

Илья Рогаль

Деньги на смерть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23287296

Аннотация

Действие рассказа происходит здесь и сейчас. Это обычный мир, и самый обычный город. Семён, главный герой, ведёт странную жизнь. Он нигде не работает и кочует по спальным районам города, меняя съёмные квартиры, как того требуют правила. Благодаря соблюдению правил он остаётся на свободе. Осторожность, скорость и минимум риска. И никаких свидетелей. А ещё у него есть дар. Определять очередную идеальную жертву с первого взгляда. Этот короткий рассказ всего лишь несколько часов его жизни. Ему нужны деньги на смерть, он заберёт их.

Деньги на смерть.

Семён вышел из магазина, сжимая кулаки, набрал полную грудь холодного воздуха и тяжело вздохнул. Он ненавидел это время года – конец февраля, когда казалось бы рукой подать до блаженных солнечных тёплых дней. Февраль был обманчив и никак не хотел сдавать свои позиции. Крепкий мороз и сильные порывы ветра держались целую неделю. Погода была отвратительной. Свежевыпавшего снега не было, а старый уже давно потерял свою белизну и превратился в серую скользкую и бугрящуюся неровностями массу, утрамбованную ногами и автомобильными шинами.

Небольшая вечерняя вылазка в ближайший мини-маркет за продуктами прошла не особо успешно, настроение было испорчено.

Он проживал в спальных районах, меняя квартиры раз в полтора года, как того требовали правила. Каждый раз при переезде Семёна выделял для своих редких вылазок подобный магазин поближе от своего дома. Небольшой торговый павильон, пошло претендующий на звание супермаркета. Приходил всегда за десять минут до закрытия, избегая людей, брал что хотел, оплачивал и уходил, стараясь, не привлекая внимания. Молодой, среднего роста мужчина, с серым лицом, непримечательной наружности, просто одетый. Такого увидишь и через минуту забываешь, как он выглядел.

Цены снова поднялись, как обычно это бывает – совсем

незаметно. Когда немолодая, полная кассирша, с короткими волосами, окрашенными в невообразимый розоватый цвет, озвучила ему общую сумму за покупки, и вручила чек, ему показалось, что его хотят развести.

Это разозлило его – деньги добывались с огромным трудом. Как обычно всё началось с пальцев, они мелко задрожали, и он сжал их в кулаки, наслаждаясь ощущением того, как гнев начал волнами проходит по всему телу словно электрические разряды. Кроме них в помещении никого не было и вряд ли уже появится, какой ни будь запоздалый покупатель вроде него. Видеокамер наблюдения не было, как и охранника, только тревожная кнопка.

Он мог многое сделать с ней, но сейчас держал себя в руках. Опрометчивые поступки всегда вели к негативным последствиям. Осторожность и минимум риска стали неотъемлемой частью его нынешней жизни.

Обман будет раскрыт. Никто кинет его на бабки тем более эта жирная красноволосая сука, он не доставит ей такого удовольствия. Сумма смехотворна, но это его деньги.

Ему пришлось пройти по своему маршруту ещё раз. Сёма с предвкушением расправы, закусив губу, внимательно рассмотрел ценники на товарах, которые он купил и сравнил их с цифрами на чеке. Покупки были простые. Ничего дорогого или ненужного.

Она будет извиняться перед ним, как положено, не отвертится. И не помогут ей затасканные фразы про её усталость и

невнимательность к концу рабочего дня, или про неисправность кассового аппарата. Сука будет извиняться. И он простит её. Будет благосклонен.

Женщина внимательно наблюдала за ним, с недовольным лицом, хотела закрыться пораньше, а тут пожаловал такой противный клиент.

Все цифры на ценниках совпали с цифрами на чеке. Никакого обмана не было, жить снова стало немного дороже. Семёна был готов к подобному исходу, и теперь он чувствовал разочарование.

Он снова подошёл к кассе, хмуро взглянул на неё, и расплатился. Протянул деньги, чувствуя, как злость всё ещё мягко пульсирует в нём. Купюру он всё время держал в руке, причём Семён не помнил, когда именно успел её достать. Скорее всего, в тот момент когда, рассчитывая на обычную сумму, он оказался у кассы в первый раз. Теперь она была измятой и влажной.

Когда продавщица взяла её, кончиками пальцев, явно подчёркивая свою брезгливость, они встретились взглядами, и в этих взглядах не было ничего хорошего. Он увидел в её глазах презрение и насмешку.

–Что ни будь ещё?– спросила она.

Семён просто обожал смотреть женщинам в глаза и читать – именно читать, как он сам это называл, эмоции. Глаза зеркала души в этом он никогда не сомневался, как и не сомневался в том, что у всякого человека есть душа. И когда чело-

век умирает - душа покидает тело, и это можно узреть самому, если смотреть в глаза человеку непосредственно во время его смерти можно узреть миг, когда появляется пустота и забирает все эмоции и чувства, заполняя всё собой. Это чрезвычайно красиво.

Однако сейчас он опустил глаза, никто не имеет права так на него смотреть.

Пересчитав сдачу, он бросил монеты в один из глубоких карманов куртки. Не хотелось и лишней секунды больше находиться в этом магазине и видеть этот презрительно-насмешливый взгляд. Семён взял за ручки пакет, в который она укладывала его покупки, и быстрым шагом направился к выходу.

– Всего доброго, хорошего вечера приходите ещё.

Семён с силой толкнул дверь, выходя на улицу. Эти слова, были очередной пошлой попыткой превратить дрянной магазинчик в нечто большее. В хороших магазинах такие фразы звучат доброжелательно, а не так язвительно. Тем не менее, это была его маленькая победа, добытая простым молчанием. Ему пожелали всего хорошего, а он в ответ показал свою спину. Не услышит она приятных слов в ответ. Пошла на хер!

Он аккуратно спустился по скользким ступеням, поочередно одел перчатки, перекладывая пакет из одной руки в другую, и свернул за угол магазина, отправился в сторону своего дома. На улице не было ни души. Пешеходная аллея

слабо освещалась светом из окон пятиэтажных домов. Если бы не сильный холод можно было бы получить удовольствие от неспешной одинокой прогулки. Пивные бутылки приятно позвякивали в пакете при ходьбе, он старался идти быстрым шагом, при этом ступая очень осторожно, хотелось поскорее оказаться у себя в квартире.

Четыре бутылки пива это была его личная алкогольная норма, необходимая для пребывания в состоянии, в котором он любил находиться. Тогда проблемы, заботы и рутина всё отходило на второй план. Только четыре бутылки этого замечательного крепкого пива могли ему дать то спокойствие, которого он заслуживает. Это домашний вечерний дзен, как он его называл.

По мере осушения бутылок возникало лёгкое мерцающее помутнение сознания, и время как будто текло медленней. И Сёма занимался, чем душа пожелает. Он разгуливал по своей маленькой съемной квартире в одних трусах, включал телевизор на полную громкость и смотрел юмористические телепередачи или программы про путешествия в экзотические страны. Он отжимался от пола, готовил еду, пил горячий чай. Или слушал музыку, с телефона выходил в интернет смотреть фотографии бывших одноклассниц в социальных сетях. Изредка вызывал проститутку, так сказать, по праздникам. Чаще же просто онанировал.

Четыре идеальное количество для домашнего вечернего дзена. Если выпито было меньше или больше, состояние спо-

койствия не наступало или же оно быстро проходило, сменяясь беспокойством и паранойей.

Каждый день он не пил. Маленькие праздники жизни не должны происходить ежедневно, иначе станут обыденностью, и потеряют свою прелесть. От мысли, что можно лишиться этого удовольствия ему становилось страшно, поэтому он всегда брал три дня паузы между походами в магазин.

В обычные дни, когда он просто не выходил из квартиры Семён занимался теми же делами – смотрел телевизор, слушал музыку, готовил еду, отжимался от пола, дробил, готовил еду, но не получал от этого никакого кайфа. Всё казалось пресным и ненужным.

Такая жизнь его вполне устраивала, но Семён часто ловил себя на мысли, что было бы неплохо уменьшить период между закупками. Это было непозволительно – деньги начнут заканчиваться куда быстрее. Чем меньше оставалось финансовых средств, тем он становился угрюмей и раздражительней, и любые простейшие жизненные неурядицы или мелкие неудачи выводили его из себя. Окружающее и происходящее вокруг злило его, как и ситуация в магазине. Приходилось постоянно держать себя в руках, чтобы не натворить глупостей. Глупости приведут его к пожизненному заключению.

– Всего доброго хорошего дня.– пробормотал он сквозь зубы.– На спину мне не плюнула?

Семён шёл, внимательно смотря себе по ноги, не хотелось поскользнуться на этой бугристой ледяной корке. Руки он

спрятал в глубокие карманы куртки, которая была ему великовата, зато очень тёплая и в глубоких карманах помещалось то, что было иногда очень необходимо. Там лежали его маленький помощник в получении денег. Шёл, медленно, со свисающим из кармана пакетом с продуктами, со стороны похожий на старика. Вдоль пятиэтажных неприветливых серых домов.

Семён думал о словах, что сказала ему кассирша, когда он выходил, и как чувствовал бы он себя на её месте – говоря людям то, что на самом деле говорить не желаешь. Эти стандартные фразы – «добрый день нужен ли вам пакет» и «до свидания хорошего дня вам», они были пропитаны фальшью насквозь. В этом городе зимой добрых или хороших дней просто не существовало, дни были серые и неприветливые, как и сами люди.

Он остановился перед поворотом на ещё более узкую заледенелую тропинку, которая вела к его дому. Такая, наверное, была в каждом дворе зимой, творение ног жильцов, на которой не могли разойтись два человека, если шли навстречу друг другу, усыпанная мелким мусором, и замерзшим собачьим дерьмом.

К собакам он относился равнодушно. Даже бродячие псы, по его мнению, имели право на существование, но кошек люто ненавидел. Одно из его самых ярких воспоминаний о детстве было связано с ними.

Вот мальчишка, пыхтя и отдуваясь, несёт в руках пескоб-лок. Ему девять лет, и он очень худенький и маленький для своего возраста. На дворе жаркое и пыльное лето. Он изгой среди своих сверстников и они скоро крепко пожалеют обо всём что сделали. Мальчик весь взмок от пота и его костюм-чик – темные шортики и светлая футболка с синим воротником и маленьким якорем на нагрудном кармашке, весь выма-ран сажей и грязью. Бабка накажет его за испорченную одеж-ду, побьёт как обычно, или поставит на горох. Но это будет потом.

Пескоблок он взял за соседним домом, там было место, где по вечерам собирались ребята постарше, которые стро-или из них лавочки или складывали в импровизированные мангалы и жарили картошку, либо плавил свинец. В выход-ной день рано утром площадка была пуста. Сначала малень-кий Сёма хотел взять кирпич для своего дела, но пескоблок выглядел солидней и он выбрал его, ни на минуту не сомне-ваясь в своих силах.

Первая попытка его поднять всё же оказалась неудачной, пескоблок будто врос в землю и мальчику, несколько раз, пришлось ударить по нему ногой – пока тот не сдвинулся с места. Тогда он приподнял его и вздрогнул от отвращения, чуть не уронив тяжесть на ногу, в том месте, где лежал ка-мень, встревоженно закопошились чёрные жуки, будто сол-

нечный свет был губителен для них. Они разбегались во все стороны в поисках нового укрытия.

С малых лет Сёма знал, что не такой как все дети. Он жил со своей бабушкой – Верой Сергеевной. Родителей рядом не было, они перебрались в Германию, когда он был совсем маленький и почему то совсем не спешили его забирать – он был им обузой, как говаривала его бабка. Она всегда говорила это ему в укор, так часто, что он перестал расстраиваться и принимал её слова за должное. Никому не нужный ребёнок, который живёт у бабушки, только потому, что родители высылают из своей далёкой страны кое-какие деньги на его содержание, иначе расти бы ему пришлось в детском доме. Тем не менее, жили они бедно, не позволяли себе никаких излишеств вроде игрушек, одежды или вкусной еды. Свою кошку Мусю Вера Сергеевна лелеяла больше чем внука.

В доме, где они жили, было немного детей его возраста, Сёма уже и не помнил их имён. Бабушка постоянно выгоняла его гулять на улицу, хотя ему больше было по душе находиться дома и читать её старые, пожелтевшие от времени, советские газеты, которые она зачем то хранила.

Другие дети постоянно держались вместе, часто он слышал сидя в квартире, их смех и игры за окном. Мальчуган всегда старался с ними подружиться и попасть в их маленькую стаю, но не потому что он этого сильно хотел, а только чтобы его бабка перестала говорить, что он один как дебил и псих – одиночка.

Ему нравилось одиночество. А дети не слишком охотно принимали его в свои игры, у него никогда не было каких-нибудь интересных идей для компании, он был не развит физически, и в карманах всегда было пусто, никаких карманных денег.

Однажды утром, Семён дождался пока бабушка уйдёт со своей сумкой и складным стулом – она подрабатывала, при-торговывая недалеко от ближайшей автобусной остановки – семечки, чупа-чупсы, жвачки с наклейками и, конечно же, сигареты поштучно.

Он стал искать деньги и быстро нашёл толстую пачку купюр в старом шкафу, спрятанную в коробочку и заваленную одеждой. Беззвучно плача от обиды и злости Сёма взял немного денег и выскочил из дома.

Вечером того же дня к бабушке пришло большинство родителей детей из дворовой ватаги и отдали ей дорогих роботов – трансформеров и кукол, игрушки подаренные её внуком их детям. Когда все ушли, Вера Сергеевна с остервенением, рассекая воздух била внука пластиковой хлопущкой для ковров, оставляя на его спине и заднице узорчатые синяки, а он кричал от боли, размазывая по лицу слёзы и сопли. Сёма знал, что бабка его не любила, а она знала что он не любил её.

Через несколько месяцев он впервые услышит от неё, что деньги в той злосчастной пачке, которые он взял это деньги на смерть. Через десять лет он убьёт её и заберёт их себе.

После неудачной попытки стать другом с помощью щедрых подарков Семён по-прежнему старался быть среди детей за своего, когда приходилось выбираться на улицу. Но стал лишь бегунком, которого они постоянно отправляли за лимонадом и шоколадками. Все давали ему немного карманных денег, и он бегал в ближайший киоск покупать им сладости. А после стоял в сторонке, пока дети уплетали вкусности. Просить – это было не для него.

Тем летом у одной из девочек появились маленькие котята в подъезде. Кто – то из жильцов выставил коробку с попискивающими существами на лестничную клетку в надежде, что сердобольные соседи их разберут. Конечно же, дети прознали про это и, повинувшись, внутренним добрым порывам, стали все вместе носить им из дома еду и молоко. Они проводили в том подъезде всё свободное время. Котят никто не забирал. Сёма не испытывал к животным нежности и не считал их красивыми или милыми – они вырастут и превратятся в наглейших тварей, как Муся. Но надо было налаживать контакт с детьми и поэтому он тоже проводил время у коробки, вместе со всеми, и таскал из дома молоко в маленькой банке, украдкой. Бабуля бы не одобрила вынос еды из дома.

Очередная пробежка за сладостями закончилась катастрофой. Он потерял их деньги по дороге. Они просто выпали из кармана. Семён был в отчаянии – бегал туда и обратно с жалким видом, выискивая их глазами на земле. Так и не

нашёл. Через час пришлось, вернулся к ним с пустыми руками, дети сидели на лавочке во дворе под тополем и весело болтали о чём – то. Он молча встал перед ними, понуро опустив голову.

Кто-то спросил где сок и Сёма сказал, что потерял деньги по дороге, и как он старался, очень старался их найти и поэтому его так долго не было. Они все засмеялись над тем, какой он недотёпа. Один из пацанов, тот который был старше всех на пару лет отвесил ему сильного подзатыльника, и назвал вором и педиком. Это был прямой призыв к действию. Девочка, в подъезде которой они кормили котят задорно рассмеялась и, подбежав к нему, наотмашь ударила ладошкой по лицу. Пощёчина получилась звонкой и обжигающей.

Сёма почувствовал, как задрожали его пальцы, как по щекам с двух сторон одновременно побежали горькие слёзы обиды. Все громко смеялись, особенно девчонка, которая ударила его. Она выгнулась назад в порыве безумного хохота, показывая на него пальцем.

Он пнул её ногой в живот, и она согнулась пополам, глотая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Все разом вскочили, здоровяк ударил его в челюсть и Семён упал. Силы были явно неравны. И он, поднявшись на четвереньки, прополз немного, чувствуя удары ногами – били все, никто не остался в стороне. Он умудрился вскочить на ноги и в ту же секунду уже нёсся к спасительному подъезду, чувствуя погоню за спиной. Все бежали за ним, кидая вслед камни и

выкрикивая угрозы.

Семён хотел укрыться в квартире, и больше никогда в жизни не выходить на улицу. Бежал, чувствуя, как горит щека, не помня себя от ненависти к ним всем. Как только он достиг двери и забежал в парадную, погоня прекратилась. Уже в квартире Сёма скинул обувь, пробежал в свою комнату, прыгнул на кровать, уткнувшись лицом в подушку и яростно закричал.

Ранним утром следующего дня он стоял, прячась за тополями во дворе дома, и оглядывал территорию. Сейчас он был спокоен и расчётлив, зная, что никому не должен попасться на глаза. Если хоть кто-то на улице или из окон увидит его – он не сможет довести дело до конца. Или сделает, но будет схвачен. Стоял, около получаса, высматривая случайных прохожих, если шёл человек, он прятался за деревом. Рядом лежал пескоблок. Выждав момент, он пробежал под окнами, прижимая его к груди.

В подъезде было очень тихо и пахло тушёной капустой. Несколько этажами выше в чьей-то квартире работал телевизор, Сёма узнал знакомые приглушённые голоса это были диснеевские мультики по выходным. Он сам любил их смотреть и не пропускал ни одного выпуска. Но не сегодня.

Четыре котёнка, как и всегда, лежали в большой коробке, ещё слишком маленькие, чтобы покинуть её самостоятельно. Они спали на старом тряпье, тесно прижавшись, друг к другу, словно им было холодно. Рядом стояло треснувшее

блюдец и отрезанное доньшко пластиковой бутылки, пустые – еду им сегодня не приносили. Дети наслаждались мультиками, взрослые наслаждались покоем. Сёма приподнял пескоблок над головой.

Он вложил в бросок всю силу, что в нём была, в надежде, что котята умрут мгновенно и можно будет быстро убраться.

Раздался глухой звук удара и сразу же писк – целый оркестр кошачьей боли, он был очень тонким и в тишине подъезда показался Сёме оглушающим, словно сирена. Ему стало противно – этот звук был невыносим и только усиливался, разносясь вверх по этажам. Он прижал ладони к ушам и несколько раз прыгнул на пескоблоке.

Через несколько секунд чумазый мальчик, в грязной одежде, снова прошмыгнул под окнами и скрылся в соседнем подъезде.

Бабки дома не было. Одежду Семён сложил в таз, залил её горячей водой из– под крана, щедро насыпал стирального порошка и спрятал под ванну. Затем сам залез под душ. Его маленькое худое тело наполняла сила, и ему нравилось это ощущение.

По телевизору всё ещё должны идти мультики. День обещал быть хорошим.

Семён ухмыльнулся воспоминаниям и достал сигарету,

хоть на улице и было холодно, в квартире он предпочитал не курить. Интересно сколько он простоял на месте, вспоминая прошлое, наверное, не меньше минуты. Сделав несколько затяжек, он услышал за спиной на аллее звуки шагов и оглянулся.

Как только он увидел её, в ту же секунду, уже знал, что она была той самой... Дар его никогда не подводил.

Старушка с клетчатой хозяйственной сумкой в руках, шаркая ногами по льду, семенила в его сторону. Шла достаточно бодро, несмотря на гололёд и согбенную, под тяжестью сумки, спину. Семёна подумал, что если бы её ещё немного наклонить вперед, то ходить она будет прямым углом, смотря в землю. Одета она была просто, как и тысячи таких же старушек, в одежду из того времени, когда она была моложе лет на пятнадцать, если не больше. Длинное пальто и круглая меховая шапка.

Жила она неподалёку, по вечерам он часто видел её фигуру когда сидел у окна, и поглядывая на улицу пил чай или пиво. Немного сгорбленную и всегда одинокую, куда-то бредущую по своим ненужным старушечьим делам. Отбросив сигарету, Семён пошёл ей навстречу.

– Здравствуйте бабушка. Давайте я вам помогу.

Старушка подняла своё доброе морщинистое лицо и посмотрела на него, не замедлив шаг.

– Неет.– сказала она тихо и прошла мимо.

– Я в этом доме живу.

Он обошёл её справа, оказавшись немного впереди, в поле её зрения и показал рукой на дом, чтобы она увидела.

– На одной улице живём. Практически соседи, а соседям надо помогать! – Семён шёл рядом с ней. – С магазина вот иду. А давайте я вам помогу сумку донести вы ведь недалеко здесь живёте.

– Не надо сынок я сама.

Старушка, конечно же, слабо протестовала, как и все предыдущие, до неё. Никто не соглашался принять помощь сразу, словно они набивали себе цену. Она была той самой и никакие протесты не помогут, он её обязательно проводит и поможет донести сумку.

Бабулька слабо вскрикнула – поскользнулась на ледяном бугорке, начала заваливаться набок и наверняка упала бы, но Семён подскочил, и поддержал за плечо. Теперь она была у него в руках.

– Вот видите. – сказал он укоризненно. – На улице какой гололёдище, не дай бог упасть. Сломать так себе недолго, что ни будь. Давайте вашу сумку, никуда я с ней не убегу.

– Ну, хорошо сынок. У меня уже просто руки замёрзли её тащить.

Он посмотрел на её огромные варежки, такие варежки просто обязаны быть тёплыми. Всё-таки старость не радость.

– Провожу ка я вас бабуль, а то сейчас как же я вас отпущу, совесть потом замучает, буду думать сидеть добрались вы до дому или упали, так что не подняться.

Он взял у неё из рук сумку на вид полную но совсем не тяжёлую, теперь в одной руке он держал и сумку и пакет с продуктами, другой рукой он галантно взял её под локоть и повёл вперёд.

– Вот вы выбрали денёк то для прогулки. Так поздно и холодно, а вы гуляете, отчаянная вы старушка!– он добродушно рассмеялся.

– Знаешь сынок, как тебя звать?

– Семён...

–Знаешь Сёмушка, уже год уснуть не могу, если перед сном не погуляю хотя бы полчаса. Вот и приходится ходить. А сумку от знакомой несу бабушки.

Они шли вперёд, оставив позади его дом. Семёну не хотелось проделывать этот путь в тишине, молчание могло вызвать подозрения, и поэтому он говорил без умолку, рассказывал о себе выдуманные на ходу позитивные истории. Такая болтовня его расслабляла, и не давала старухам опомниться. Никаких пауз. Никакого неловкого молчания. Иногда он задавал ей простые вопросы, но прогулка видимо уже утомила её, и старушка не была активна в общении, почти всё время молчала, лишь изредка кивала головой, слушая его небылицы. Они шли минут пятнадцать пока не оказались у крайнего дома их улицы, дальше стояли только гаражи, а потом начиналась промзона.

– Нам сюда.– сказала она.

Они дошли до последнего подъезда, никого не встретив и

остановились.

– Вот спасибо тебе Сёмушка, помог старой, а то так бы и не дошла сама.

– О чём разговор. Мне вовсе и не трудно давайте уже до двери дотащу вашу сумку. Какой у вас этаж? Третий?

– Повыше на один.

Бабушка улыбнулась, и Сёма подумал, что даже не знает, как её зовут. Имя он спрашивал, но пропустил ответ мимо ушей. Лишняя информация. Он отпустил её руку и открыл дверь парадной, домофона не было, пропуская пожилую спутницу вперёд. Она зашла внутрь, а Семён снял перчатки и бросил их в свой пакет. Нашупал в кармане куртки рукоять столярного молотка и зашёл следом за ней.

Подъезд удивил его своей чистотой, дом был с виду абсолютно такой же, как и все хрущёвки по улице, и, заходя, он был готов ко всем запахам, кроме запаха чистого подъезда. Никакого мусора на полу, никаких банок из-под кофе с окурками, нужду никто не справлял. Даже запаха готовящейся еды не было, а это большая редкость, чем не зассанный угол в подъезде. В глаза ему ударил яркий свет лампы, освещающей площадку первого этажа. Сёма, щурясь, посмотрел на четыре металлических двери, тёмного цвета и прислушался, замерев – ни голосов, ни звуков музыки или телевизора. Старушка, тяжело дыша, и кряхтя, преодолевала ступеньки на второй этаж.

– Здорово тут у вас. – Сёма тоже начал подниматься. – Чи-

сто так.

– Следим за чистотой сынок. – с гордостью сказала она. – Тут люди хорошие живут, не гадят.

Дальше поднимались в тишине. И на втором и на третьем этаже было так же тихо. Такое было впервые и Сёме это нравилось, он шагал по ступеням вверх, с улыбкой на лице. Из – за одинаковых дверей на каждом этаже, стало немного не по себе, все они были металлические, тёмного цвета, везде горел яркий свет галогеновых ламп. Было такое чувство, словно поднимаешься каждый раз на один и то же этаж. Дежавю. Хорошо хоть жильцы догадались повесить таблички с номерами квартир.

– Вы что двери одинаковые всем подъездом заказывали? – спросил он.

Наконец старушка остановилась у своей двери, переводя дух. Сёма встал рядом и провёл по двери пальцем рядом с глазком, свет внутри горел.

Он подумал, либо она не выключила свет, когда выходила на свою вечернюю прогулку, что очень маловероятно, ведь это будет напрасная трата электроэнергии, а старые, они ведь экономят на всём. Для некоторых из них увеличение счетов будет трагедией. Но скорее всего в квартире кто– то был, и сейчас появилась вероятность что он просто уйдёт ни с чем. Но ни сразу конечно. Надо лично удостовериться, узнать кто внутри. Будет обидно, если дар подведёт его впервые за столько лет.

—А вы мне водички не вынесите, попью и домой пойду.

Дверь была не из дешёвых — это было видно невооружённым глазом, не какая-то подделка, которую можно легко вскрыть. Надёжная — три встроенных замка и хорошая шумоизоляция. Такая стоит недёшево, и если уж у этой старой суки такая дверь, то и сумма денег на смерть у неё припрятана весьма приличная.

— Конечно Сёмушка.— сказала она и достала связку ключей из кармана.— Давно меня так не провожали.

Сёмушка поглаживал в кармане рукоять молотка. Он убивал только пожилых, слабых и одиноких женщин. Те никогда не оказывали сильного сопротивления, и он знал, что дело вовсе не в возрасте или физической слабости, сопротивления не было, потому что они глубоко устали от своей жалкой жизни, а все попытки борьбы и потуги справиться с ним были лишь остатком инстинкта самосохранения. И ничем больше. Он видел это сам, читал это в их глазах, в тот самый прекрасный миг перед смертью, до появления пустоты, он видел облегчение и благодарность.

Сёма не помнил, сколько жизней было на его счету. Ни к чему было вести такой счёт. Дело ведь не в количестве. Ему всегда нужны были, только деньги на смерть никаких садистских или сексуальных действий, разве что он любил смотреть в их глаза во время умерщвления в попытке уловить последние эмоции, но ведь это не делает человека маляком, не правда ли.

Деньги на смерть любой из его жертв позволяли ему не работать больше года и вести свою тихую размеренную жизнь. Суммы были не малые, но они всегда рано или поздно заканчивались. И тогда Семёну снова приходилось выходить на улицы, на свою коварную охоту, с улыбкой выискивая свою очередную пенсионерку, ту самую, при виде которой он будет знать, что это она. Это как любовь с первого взгляда, чёрт возьми, и это и был его дар.

Сёму всегда интересовал вопрос, зачем имея такие деньги на руках влачить такое жалкое существование. Он хотел докопаться до истины, хотел понять их мотивы, но не мог. Когда он задавал им вопросы, они пытались вместо ответа позвать на помощь.

Почему ты прячешь деньги в шкафу за трусами дура старая, почему они лежат не в банке на накопительном депозите. Ты никому не доверяешь в этой жизни, но доверилась любезному молодому человеку и тебе придётся умереть, свидетелей оставлять нельзя. Надо было отрываться напоследок. Съездить отдохнуть и погреть свои старые косточки, не за границу конечно, можно было бы в хороший санаторий, провести время в своё удовольствие хотя бы неделю. Не считая каждую копейку, не катаясь на другой конец города из-за того что там на рынке молоко дешевле на рубль а яйца не магазинные, а из деревни. Поживи блядь на них, потрать всё, а потом выйди в окно. Зачем их копить и прятать. Государство всё равно тебя закопает. Какая разница тебе будет мёртвой,

какой обивки будет твой гроб и вкусна ли будет кутья на поминальном обеде.

Он всегда мог правильно определять именно ту нужную ему жертву, обязательно одинокую, с неплохой суммой денег неумело спрятанной где то в квартире. Это была его супер способность, стоило только посмотреть на такую, как замирало сердце, Семён уже знал, дома её никто не ждёт кроме, разве что, кошки или псины, которые были так же стары, беспомощны и бесполезны как их хозяйка. И деньги, тщательно откладываемые на смерть, находятся в квартире, пропахшей лекарствами и мочой. Запах безысходности.

Семён убивал быстро. Не испытывал никакого удовольствия от самого процесса умерщвления – просто, без эмоций – делал своё дело и стирал все отпечатки, которые мог оставить.

Старуха, звякая ключами, стала открывать входную дверь, и тут же по другую сторону раздался радостный детский голос.

– Ураааааа! Бабуля пришлаааа!

Семён вздрогнул и вытащил руку из кармана. Он уже был готов к такому исходу, и сейчас всё зависело от того находились ли в квартире взрослые. В этот раз чутьё на одиночество жертвы подвело, но если там только маленький ребёнок надо работать дальше, бабуля ведь та самая. В этом сомнений не было.

Она открыла все замки, дверь бесшумно приоткрылась

и курносая веснушчатая девочка лет восьми, высунулась из квартиры, её лицо буквально светилось от счастья.

– Ураааа! Бабулечка пришла! – звонко крикнула она, и небольшое эхо пронеслось по подъезду.

– Так Мариша сколько раз говорила, не кричи на площадке, люди могут отдыхать. Быстро в дом! Заходи Сёмушка напой тебя водой и пойдёшь с Богом. Может чайку?

– Пожалуй, не откажусь.

Сёма вошёл в квартиру. Сейчас он играл роль до конца. Если дома есть взрослые – он познакомится со всеми и выпьет кружку чая, улыбаясь разной херне что ему будут говорить, а потом просто уйдёт, оставив им на память самые хорошие впечатления о себе.

В прихожей было светло. Сёма сразу отметил дорогой ремонт в коридоре. Было, похоже, что жильцы не бедствовали. Семён замер в ожидании появления кого– то из взрослых. Сейчас родители девочки выйдут на шум, недоуменно посмотрят на него, он поздоровается и дальше всё пойдёт по уже разработанному плану отступления.

Никто не вышел. Он поставил пакет и хозяйственную сумку на паркетный пол в прихожей. Маришка тут же принялась прыгать вокруг них на одной ноге.

– Бабуля вкусненькое принесла! Бабуля вкусненькое принесла!

Очевидно, дома кроме этой малявки никого не было и надо было только лично удостовериться в этом. Пройтись по

комнатам. Семён давно не видел такой активной и позитивной девочки. В таком возрасте ещё можно искренне радоваться многим мелочам. Глядя как она скачет такая худенькая, в розовом платице он невольно улыбнулся. Бабушка тем временем закрыла дверь. Замки сработали автоматически. Затем сняла верхнюю одежду с обувью, и, потрепав девочку по волосам, отправилась на кухню.

– Сейчас я тебя чаем напою сынок. Спасибо ещё раз, что помог доковылять старой. Проходите пока в зал. Мариша тапочки одень пол холодный.

Она скрылась за углом и тут же начала греметь посудой.

– Да кружка горячего чая это здорово. – сказал Семёна внимательно осматриваясь. – Сумку вам на кухню принести?

– Да пускай там стоит в коридоре, потом приберу.

Маришка прыгнула ему на ботинок, удерживая равновесие, обняла руками его ногу и стояла, запрокинув голову, с улыбкой разглядывая неожиданного гостя.

– А что у вас в пакете?

Семён усмехнулся, спустил её на пол и разулся. Пол и правда, был очень холодный. Он расстегнул куртку, снимать её он не собирался. Шапку засунул в карман.

– А что у вас в пакете?

– Еда там.

В квартире было прохладно, скорее всего, где то было приоткрыто окно. И не боится ведь бабка, что внучка простудится.

– А хотите пианино посмотреть?

Сёма засмеялся.

– Конечно, хочу. Давай тапочки одевай, слушайся бабушку.

Ему было срать на пианино, необходимо было удостовериться, что дома кроме них никого нет, всё разведать пока старая хлопочет на кухне.

– А ты такая маленькая и на пианино уже играешь?

Сёма прошёл в зал, попутно заглянув в одну из комнат. Это наверняка была спальня родителей. И их не было. Огромная кровать занимала большую часть комнаты. Кровать была застелена. Тёмные шторы покачивались от сквозняка – вот где было приоткрыто окно.

– Или мама с папой играют? Мама-папа где? – спросил он тихо.

– Мамы и папы нет, они улетели. – ответила девочка подбежала к пианино и беспорядочно стала нажимать на клавиши. От звуков Сёма поморщился.

– Сейчас я вас вкусным чаем напою. – раздался голос из кухни. – Мариша ты там не балуйся. Оставь пианино в покое!

Зал был обставлен громоздкой очень красивой мебелью. Сёма заметил шкаф, деньги они должны держат здесь. Странно всё это смотрелось в таком доме как этот. Такие вещи не должны стоять в хрущёвке. Окно в зале тоже было приоткрыто, и он поёжился от холода. Маришка, кривляясь, увлечённо колотила по клавишам пианино.

Надо действовать. Время пошло, как только он переступил порог. Сейчас он быстро согреется.

– Посиди пока тут. – сказал он девочке, и та послушно прыгнула в одно из кресел, болтая ногами в воздухе. – Я тебе сейчас кое – что принесу. Вкусенькое.

– Хорошо дяденька.

Семен, тихо ступая, шёл к кухне, рукоять молотка уверенно легла в ладонь. Очень удобная штука. В первый раз у него будет двойное убийство. Может быть, следовало начать с девчонки, но что– то подсказывало, что сперва надо заняться бабушкой, пока она в другой комнате, и совсем ничего не подозревает. Он доверял своим инстинктам. Молоток сидел в руке как влитой. Прошёл мимо спальни, шторы всё так же приветливо колыхались. Когда он их сделает – закроет окна. И свернул за угол на кухню.

Бабушка стояла у плиты, возилась с большой кастрюлей и не слышала его. На газовой плите стоял чайник. Обычный металлический чайник со свистком, стоял даже не на огне. Она ещё даже не включила газ. Какого хрена она здесь делает.

Он замахнулся и ударил её по затылку. Получилось сильнее, чем он рассчитывал, хрустнула черепная коробка. Сквозь жиденькие волосы он увидел как появилась трещина, словно в земной коре, в том месте куда он ударил. Старуха упала, увлекая за собой кастрюлю. Это было чересчур шумно та, громыхая, покатила по кухне. Она попыталась

закричать, удивлённо смотря на него, но из горла вырвалось только едва слышное «oooooooooй».

– Бабушка! – это Маришка позвала из зала.

Семён подскочил к ней, молоток уже был не нужен, он снова оказался в кармане куртки, им он наносил только самый первый удар для дезориентации жертвы, и присел, наступив коленом на её впалую грудь. Не давая возможности подняться, навалился на неё всем своим весом и обхватил тонкую шею руками, утопив большие пальцы в том месте, где была гортань.

– Подыхай сука.– Семён облизнул пересохшие губы.

Она засучила ногами, силясь скинуть его, слабо била руками ему по бёдрам. На полу под её головой образовалась кровавая лужица.

– Бабушка.– снова позвала Маришка.

Услышав голос внучки, бабушка будто обрела второе дыхание, она, хрипя, стала извиваться под ним. Вцепилась одной рукой ему в лодыжку, он почувствовал, как ногти через носок впиваются в кожу и плоть. Семён зарычал и, приподняв её голову – ударил затылком о кафельный пол, и ещё раз и ещё раз, расплёскивая кровь. Что – то хрустнуло, либо кафель, либо трещина в черепе увеличилась. Соппротивление стало утихать. Сёма наклонился над её лицом, изо всех сил сдавливая шею. Надо отдать ей должное она действительно сражалась за свою жизнь, или за жизнь внучки, не как остальные, которые на самом деле не хотели жить. Эта хоте-

ла, ещё как.

Он хотел посмотреть – что прочитает в её глазах, что в них будет, явно не облегчение и благодарность. Ниточка слюны из его рта опустилась ей на побагровевшее лицо.

Её глаза источали ненависть и бессилие, она поняла, что внучке тоже не жить и ей ничего с этим не поделать. Она сама привела его в дом, и теперь бессильна что– либо изменить, или помешать ему. Он не пощадит никого.

Сёма рассмеялся её лицо, изборождённое морщинами, с оскаленным в ярости беззубым ртом было забавным.

– Умри.– Семён продолжал заглядывать ей в глаза, хотя и знал, что дальше там будет только пустота.

По её телу прошла волна конвульсий, тело мелко затрясло, и она затихла.

– Бабушка!

Семён поднялся на ноги, почувствовал, как заныла щиколотка, увидел капельки своей крови на её ногтях. Немного прихрамывая, он направился в зал. Таких глаз он ещё никогда не видел. Интересно, что можно будет прочитать у ребёнка.

Мариша была там же, где он её оставил, только она уже не сидела в кресле, а стояла, спрятавшись за ним, словно оно могло её защитить, и робко выглядывала. Она, конечно, всё слышала, и бабушка не отзывалась. Слезы беззвучно катились по её лицу. Конечно, она из – за возраста не понимала, что именно произошло, но чувствовала, что случилось пло-

хое. Теперь она знала – перед ней плохой человек и ей было страшно.

– Где бабушка? – спросила она тихо.

– На кухне твоя бабушка сейчас придёт.

Он сам не понял, зачем соврал. Девочка дрожала и смотрела на него, а он смотрел на неё.

– Почему окна открыты? – спросил он

– Бабушка болеет. Ей плохо, когда дома жарко.

– Подойди сюда.

– Неа.

Семён хохотнул. Маришка оскалилась, словно какой то зверёк. . Загнанный зверёк. Инстинкты берут своё, а под страхом смерти они всегда вырываются наружу. Её тельце напряжённо дрожало готовое к прыжку или к бегству, вот только бежать было некуда. Входная дверь захлопнулась, и так быстро ее не открыть, а из окна прыгать слишком высоко

– Больная бабка на голову. Где она деньги прячет? Знаешь?

Маришка покачала головой, но Сёма готов был поклясться, что она бросила взгляд на тот самый шкаф, который он изначально заметил для поисков старухиных денег. Он распахнул дверцы и стал выбрасывать вещи из шкафа, краешком глаза наблюдая за девчонкой, с ней не должно быть проблем. Надо было кроме денег ещё найти хороший кусок ткани, чтобы затереть все свои следы, перед уходом.

– Зря вы ищите, у нас этого нет.

– Рот закрой.

Он продолжал лихорадочно шарить по шкафу. Ладони его чесались, денег на смерть будет столько, что ему хватит очень и очень надолго, Сёма верил приметам. Денег будет столько, что можно будет положить их на счёт в банке и жить на проценты. Купить свою собственную квартиру. Припрятать молоток в ящик для инструментов. Хотя через несколько лет захочется снова увидеть чьи-нибудь предсмертные мысли в глазах. Возможно, когда необходимость в деньгах уйдёт, он будет душить детей вместо старух. Это ведь будет так быстро, с их цыплячьими шеями.

Он прикинул, сколько времени уже здесь находиться – не меньше десяти минут. Времени оставалось мало, одно из золотых правил – всё делать быстро. Главное сейчас найти семейную заначку.

И он нашёл. Один из выдвижных ящичков, скрывал в себе все ценности семьи. Это был настоящий Клондайк. У Сёмы перехватило дыхание столько денег, он видел первый раз в жизни. Доллары лежали аккуратными стопками, словно в каком-то фильме с криминальными сделками, будто их только недавно переложили в этот ящик из чёрного гангстерского чемоданчика.

Он стал набивать ими карманы. Не прошло и минуты как его вместительные они оказались заполнены, а денег в ящике как будто и не убавилось.

Сёма бросился в коридор за клетчатой хозяйственной

сумкой, которую помогал нести, вариант с пакетом его не устраивал. Расстегнул замок и вытряхнул содержимое на пол. Это был мусор, какие то обрывки тряпок, журнальные страницы, пожелтевшие от времени, газеты с рекламой которые оставляют в почтовых ящиках.

Бабуля вкусненькое принесла! Бабуля вкусненькое принесла!

– Что за хрень...

Он вернулся в зал и стал бросать деньги из шкафа в сумку. Подумал, что из карманов лучше тоже, переложить их туда.

– Ты вор!– крикнула сзади Маришка.

Сёма вздрогнул, на какое – то время, в порыве всепоглощающей алчности, он и забыл о её существовании. Лучше бы она сидела тихо и не бесила его. Сумка была уже наполовину наполнена. Можно уходить, этого более чем достаточно. Ещё минутку...

– Рот закрой свой.– сказал Семён, не оглядываясь. Он уже даже не следил за ней, что она может сделать.

Пора было убираться из этой холодной квартиры. Этих денег на смерть ему хватит до конца жизни. Он доберётся до своего угла и надолго заляжет на дно, очень надолго. Семён понимал, как двойное убийство всколыхнёт весь это сонный город, бабушка и внучка, такого ещё никогда не было. Надо будет прикупить еды и взять пару ящиков пива, можно даже заказать всё через интернет, чтобы не выходить лишний раз. Ещё он непременно пересмотрит свои правила насчёт

домашнего дзена, по такому случаю, внесёт некоторые коррективы – перерывов в несколько дней больше не будет. По крайней мере, пока шум с этим делом не утихнет. Несколько месяцев вечернего домашнего дзена, это будет круто. А позже, когда какой ни будь бедолага с отбитыми почками сознается в убийствах можно будет расслабиться.

– Ты педик и вор!

Семён медленно повернул голову. Его подбородок предательски задрожал. Дерзкая маленькая дрянь. Он ощутил, как подрагивают пальцы. Это снова началось. И теперь он не будет держать себя в руках, или хоть как то ограничивать свои силы. Маришка всё так же стояла за спинкой кресла, но что-то изменилось в её лице. В нём больше не было страха. Она будто перестала его бояться. Тем хуже для неё. Никто не смеет с ним так разговаривать.

Сёма подбежал к креслу, чувствуя как наполненные карманы, стесняют его движения. Маришка взвизгнула и юркнула вниз, в надежде проскочить у него между ног, но его цепкие пальцы, зарылись в её волосах. Сёма намотал волосы на кулак и рывком поставил её на ноги.

– А ну повтори!– крикнул Сёма.– Повтори кто я?

Девочка закричала, начала брыкаться, пытаясь освободиться и лягаться худыми ногами, но кричать ей он позволить не мог, и от души приложился, заехав кулаком ей по лицу. Девочку потрянуло, если бы не волосы, намотанные на его руку, она наверняка отлетела бы в сторону, как тряпич-

ная кукла. Её крик мгновенно захлебнулся, и она снова оскалится, на этот раз зубы были окровавлены. Ударом ей сломало курносый носик, и теперь он смотрелся не так симпатично, разбитая верхняя губа мгновенно набухла. Пришло время душить её, больше она молчать не будет. Шум может привлечь лишнее внимание.

–Бааауб... шкаааа. – Маришка, всхлипывая, отвернулась. И тут же изловчившись, зарядила ногой Сёме по яйцам. Он на секунду согнулся, отпустив её волосы, чувствуя в промежности тупую боль. Это было неожиданно. Сработал именно эффект неожиданно, удар был не настолько силен, чтобы свалить его на пол.

Девочка ловко взобралась на подоконник, пока он приходил в себя, на это ушло лишь несколько секунд, но этого времени ей хватило. Она хотела прыгать и открыла окно ещё шире, а это совершенно не входило в его планы. Он медленно пошёл в её сторону, готовясь к рывку.

– Отойди от окна!!!

Она прыгнула в темноту.

Сёма почувствовал как яички сжались до размеров копеечной монеты. Это был конец. Совсем не тихое убийство, как это у него обычно получается и теперь его единственный шанс уходить прямо сейчас. Независимо от того выжила она или нет. Он прислушался, никакого звука упавшего тела, или страшных детских криков боли внизу.

Хотелось выглянуть из окна и посмотреть вниз, но что-

то остановило его. Нехорошее предчувствие. Темнота за окном была слишком густой. Вечер просто не может быть таким тёмным. Даже ночь не может быть такой тёмной. Словно не существовало никаких источников света за пределами этой квартиры. В такой темноте лучше не выглядывать, чтобы посмотреть вниз. Можно просто не увидеть земли.

Раздался резкий хлопающий звук, с таким звуком полщется выстиранная одежда на сильном ветру. Что-то большое пролетело мимо окна, и Семён отпрянул назад. Раздался детский смех, звук доносился издалека, и было непонятно откуда, снизу или сверху. Это без сомнения была Маришка.

Мамы и папы нет, они улетели.

Существо неуклюже, с грохотом, чуть не выломав оконную раму, залетело в открытое окно и село на подоконнике, словно какая-то горгулья, сложив перепончатые крылья, все в синих прожилках вен, за спиной. Со звоном в комнату падали осколки стекла. Семён закричал.

– Папа! Папа! – закричала Маришка из темноты. И снова засмеялась.

Папа спрыгнул в комнату, испуская низкий животный рык. Следом за ним залетела Маришка, её крылья с хлопком сложились, и она подбежала к отцу, чтобы обнять его мохнатую ногу, утопив в волосах своё лицо. Она больше не была миловидной девочкой, Семёна увидел её чёрные без белков глаза и острые кривые зубки.

Он почувствовал что обмочился, мокрое пятно проступи-

ло, даже через две пары штанов.

– Папа, а он меня ударил.

Папа с любовью потрепал свою дочурку за щёчку когтистой лапой и, отодвинув девочку в сторону, тяжело дыша, стал приближаться к нему. Сёма попятился, не переставая кричать, его колени тряслись, как в безумном танце. Всё тело трясло, и в этот раз не от злости. И как же тонко сейчас звучал его голос. Словно кричал не он, а девушка, которую насилуют в темной подворотне. Кто-то обязательно должен услышать его. Когда так страшно кричат по соседству – люди просто обязаны вызывать полицию. Так кричат когда убивают жутким способом.

Он бросился в коридор к входной двери. Рывок был не таким резким, как он рассчитывал, ватные ноги, и набитая деньгами куртка, сделали его неуклюжим, будто он двигался в кошмарном сне. В таком сне бежать трудно и вязко, а преследователи всегда двигались немного быстрее. Сильные руки схватили его со спины, когти пропороли всю верхнюю одежду на нём и вонзились в плоть. Он дёрнулся, высвободившись от куртки, и одновременно доставая молоток, почувствовал, как образовались кровавые борозды от когтей на от плеч до самой поясницы. Было совсем не больно. Куртка осталась в лапах у папы.

Входная дверь была, закрыта старухой, на все три замка, он знал об этом и всё равно подбежал к ней. Протянул руки к замкам, они открывались только ключами. Семён взвизг-

нул и несколько раз ударил по двери кулаком. Ключи были у старухи, и искать их сейчас, не было возможности.

Папа шёл к нему по коридору, он уже почти принял человеческое обличие – мужчина средних лет и высокого роста, с вытянутым бледным лицом, голый с болтающимся членом и с неестественно длинными пальцами на руках, с которых капала его, Семёна, кровь. Он смотрел ему прямо в глаза, будто пронизывая насквозь. Чёрные глаза.

–Зря ты трогал мою дочь!– сказал он. Этот мягкий голос не предвещал ничего хорошего.

Мимо них громко смеясь, пробежала Маришка.

– Уйди!

Он хотел ударить её молотком, но промахнулся, Маришка прошмыгнула под его рукой, и хищно кляцнув зубами в ответ, скрылась на кухне.

Папа продолжал не спеша подходить. Он смотрел ему прямо в глаза и улыбался, показывая острые зубы. И говорил с ним.

– Она бы просто усыпила тебя. Ты бы уснул и ничего не почувствовал, а теперь будет намного больше.

Сёма отмахивался молотком, целя в лицо, не подпуская его слишком близко. Другой рукой он неистово колотил в металлическую дверь. Надо поднять шум на весь дом. Он совсем не намеревался сдаваться.

– Можешь не шуметь. Никто не придёт.

–Уйди от меня!

Папа с лёгкостью перехватил его руку и вместе с тремя пальцами вырвал из неё молоток. Швырнул всё на пол. Пальцы полетели по коридору. Сёма широко открытыми глазами смотрел, как мизинец, отскочив от его ботинка, закатился под обувницу. Папа нежно взял его за горло, одной рукой и поднял в воздух, с брезгливостью на лице. Наверное, потому что тот обоссался. Сёма, тщетно пытался сделать хоть глоток воздуха, болтаясь в воздухе и разбрызгивая кровь по прихожей. Он продолжал бороться за жизнь. Его обязательно должны спасти он поставил на уши всех соседей! Главное продержаться до прихода помощи!

В глотке хрустнуло.

Что– то зашевелилось за шторами в спальне, когтистые волосатые лапы пытались раздвинуть их, искали просвет. Это была мама, и она не хотела портить декор.

Перед глазами Сёмы заплясали чёрные точки. Целой рукой он хотел вцепиться папе в лицо и выдавить ему глаз, но тот, смеясь, отстранился и оказался вне досягаемости.

Из-за угла показалась голова бабушки. Она медленно ползла к ним из кухни, на вывернутых руках подтаскивая своё тело, всё ближе и ближе, как будто у неё отказали ноги. Когти скрежетали о паркет, оставляя небольшие царапины, и её беззубый рот – он больше не был беззубым.

Сознание Семён не потерял, хотя был очень близок к этому. Папа перевернул его вверх ногами, и теперь легко, будто куклу, держал его за ноги. Сёма жадно вдыхал обжигающий

кислород и кашлял. Кричать он больше не мог, даже дышалось с трудом. Выходил лишь хрипящий свист, что то было передавлено у него в горле.

Всё семейство собралось в прихожей. Мама и папа, в чём мать родила, стояли бок о бок, бабуля, ползла нему, к добромому парню который любезно предложил проводить её до квартиры и выпить кружечку чая, Маришка, с синяками, но счастливая отдуваясь, несла большую кастрюлю, ту самую с которой возилась бабка, когда он вошёл на их кухню. Как же это было давно.

Он сильно зажмурил глаза и замотал головой. Всего этого просто не могло быть.

– Кастрюлю поближе ставь.– услышал он властный и красивый голос мамы.– А ты милый, к соседям.

Семён услышал, как звякнули ключи и как открываются замки на входной двери. Дверь открылась. Он собрался с силами, надо было звать на помощь.

Папа крикнул на лестничной площадке, громко и на незнакомом языке и в ту же секунду стали с лязгом распахиваться двери и из квартир на всех этажах выскочили соседи. Некоторые бежали вверх по ступеням, а те, кто жил этажом выше неслись вниз. Бежали, весело перекрикиваясь друг с другом, громко топая и шелестя кожаными крыльями за спиной. В свете галогеновых ламп лихорадочно плясали тени. Их ждало пиршество.

Сёма почувствовал на своём лице смрадное дыхание ста-

рухи и он едва слышно ухмыльнулся, вонь у неё из пасти была невыносимой. Она приблизилась к нему близко, словно подползла для страстного поцелуя.

– А ведь у тебя тоже всё пошло немного не по плану сука ты старая.

Семён говорил едва тихо, так и не разжимая глаз. Он не хотел смотреть.

09.03.2017